

МУЗЕИ

...ИЛИ ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ МУЗЫКА
THE CHEMICAL BROTHERS

ЕВГЕНИЙ МАТЕРЁВ

16+

Евгений Николаевич Матерёв

Музеи... или вдохновляющая музыка The Chemical Brothers

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42650975

SelfPub; 2020

Аннотация

Призвав своё воображение и использовав в качестве звукового сопровождения музыку «Химических братьев», вы, дорогой читатель, окажетесь под палящим солнцем в древнем городе Чичен-Ица, ощутите холод от соприкосновения с реалиями концентрационного лагеря Аушвиц-Биркенау, услышите игру на кифаре и голос Нерона над польхающим Римом, а Эрмитаж проведёт такую экскурсию, которой ещё ни у кого не было.

Вступление

Эй, что случилось?! Не надо ничего пинать и крушить! Успокойся! Так можно и ногу сломать... Ум-м-м... Ну вот! Что я говорил... Больно, да? Эй, полегче! Я не виноват, что у тебя сегодня всё наперекосяк! Ого! Тебе уже становится явно лучше – у тебя что-то стало получаться: если бы не моя отменная реакция, твоя книга прилетела бы мне прямо в бубен! Отличный бросок! Кинь в меня ещё что-нибудь потяжелее; утюг вон стоит – проутюжь мне нос!

Ладно, всё – перестань. Хватит кипятиться. Мда... Похоже, что у тебя сегодня полный уайэб – как говорят майя. Какая муха тебя сегодня укусила? Что случилось-то? Молчишь...

У тебя завтра важный день – тебе нужно быть как огурчик, а ты тут с ума сходишь... Не выпишься ведь...

Я думаю, у многих бывали такие ситуации, когда, нахватав негатива за весь день и придя домой, ещё долго не можешь успокоиться, срывая свою злость на домашних.

Что делать, если внутренний огонь своими силами никак не получается затушить?

Я предлагаю ничего не крушить и ни с кем не ругаться, а выплеснуть эмоции посредством музыки – пусть она даст быстрее прогореть вашему негативу. Дайте простор фантазии – снимите в своём воображении клипы на предлагаемую мной музыку британских электронщиков The Chemical

Brothers...

Бывает так – забудешь дома плеер, а тут, как назло, очень хочется послушать определённую песню – так созвучна она текущему моменту. Раз за разом прокручиваешь её у себя в голове, параллельно думая, что было бы намного лучше слышать музыку по-настоящему.

Зря мы портим себе восприятие подобной мыслью – наша фантазия великолепно подтасует любую мелодию под наши действия: включит композицию в нужном моменте, смешает мелодии, добавит несуществующие и сделает столько повторов, сколько нам нужно для счастливого прослушивания...

Так и сейчас – не надо дословно следовать тексту, поминутно раскладывая действия героев по продолжительности треков. Главное – это запоминающийся образ, который произвольно возникает в вашем воображении...

Ну что, попробуем? Вы готовы к погружению? Тогда настройте свой эквалайзер – и вперёд! Пусть его графика в свою очередь настроит нас на нужный лад. Мы начинаем.

Play

The Chemical Brothers – The Test

Контрасты

Санкт-Петербург. Дворцовая площадь. Как всегда, множество туристов и праздных горожан: идут по своим делам, фотографируются или слушают уличных музыкантов. В общем, город живёт.

Но один мужчина чем-то выделяется из толпы. Вроде приличный человек: одет с иголочки, выбрит, ухожен... Но всё-таки исходит от него какая-то чертовщина. Нервные движения, блеск в глазах, поспешный шаг: хватит ли этих наблюдений, чтобы объяснить, почему именно он попал в кадр?

Думается, он и сам почувствовал, что своим возбуждённым состоянием привлекает к себе внимание. Мужчина остановился, перевёл дух, собрался с мыслями...

В Эрмитаже сей любопытный субъект, не оборачиваясь, не останавливаясь, чтобы полюбоваться шедеврами, целенаправленно проходил по залам музея. Шёл себе, как человек, который не один год работает тут – разве что карточки с именем не хватает на груди.

Может, он и правда работник музея? Тогда зачем купил билет, а не зашёл через служебный вход?

Искусствовед? Художник?

Александр, а именно так зовут нашего взбалмошного героя, приближался к своей цели. Когда вокруг замаячила цветная геометрия экспрессионистов, он почувствовал, как к щёкам приливает кровь. Александр остановился перевести дух, потому как на мгновение не почувствовал ног и вот-вот мог споткнуться и упасть. Огляделся. Смотрительница сидела на стуле и скучающим взглядом провожала редких уже посетителей. На нашего героя она не обратила никакого внимания.

В зале находилась ещё одна женщина, что-то рассказы-

вающая, судя по всему, своей внучке. Девочка слушала бабушку, недовольно надув губки: «Мне это неинтересно». Отвлёкшись от рассказа, она заговорщически улыбнулась Александру. Настолько лукавым был этот взор, что псих вздрогнул – будто замысел его уже разоблачён.

Нервный встряхнул головой и направился дальше, дивясь своей паранойе.

О, вот он! До него метра три. Александр с отчаянием вглядывался в него, как в живое, хищное существо – будто заглядывал в глаза дьявола. Вот он, «Чёрный квадрат»! Символ безбожного времени, символ страшных бед и несчастий человеческих.

Но ничего. Сейчас обычный ключ прекратит эту дьявольскую вакханалию. Только бы не остановили!

Александр уже представлял, как по всему миру вслед за актом вандализма начнут разбиваться тысячи чёрных квадратов – целая сеть, опутавшая человечество: телевизоры, компьютеры и телефоны. Вот так, одним взмахом, можно покончить со вселенским злом! Только бы не помешали!

Психопат трясущимися руками выдернул длинный ключ от квартиры из внутреннего кармана и подошёл к «Квадрату» ближе. За каждым мазком на картине можно было увидеть художника, мысленно перенестись в его мастерскую, ощутить запахи красок и пульс его времени. Но Александр видел чёрную кожу мистического чудовища.

Изготовившись занести ключ над картиной, вандал услы-

шал начало песни – Ричард Эшкрофт протяжно запел: «О-о-о-о-о-о-о-о! Can you hear me now?»

Александр от неожиданности сначала прервал движение, прислушался. Хотя в зале больше никого не было, он почувствовал спиной тысячи взглядов, устремлённых на него.

Отступить некуда – нужно побыстрее нанести сокрушительный удар. Торжественность момента потрясала. Да ещё этот голос придал сил и уверенности в том, что Александр на правильном пути.

«Е-э-э-э-э-э-э-э!» – донеслось сквозь бешеный стук сердца.

Пение стало намного громче и агрессивнее. От этой вибрации ключ мгновенно раскалился докрасна, и психопат выронил его. Александр попятился от картины, затравленно оглядываясь по сторонам – хотел понять, откуда доносится звук и что дальше следует ожидать.

Послышалась музыка, от первых аккордов которой паркетины стали в такт подлетать, как семечки на раскалённой сковородке. Ощущение огромного заводящегося механизма стало пронизывать всё тело, дезориентировать в пространстве.

Вместо ожидаемого триумфа – фрустрация; захотелось немедленно скрыться. Паническая атака заставила Александра бежать куда глаза глядят, ожидая, что вот-вот из-за угла появится охрана и скрутит его.

Очень скоро он, однако, понял, что все люди куда-то по-

девались, исчезли, испарились. Вот она – полная свобода! Делай тут что хочешь! Как во сне! Хоть все картины режь.

Но предчувствовалось совсем другое – Эрмитаж будет делать с ним всё, что заблагорассудится, а не он.

Александр будто закачался на волнах – то свет становился ослепительно ярким, то в залах делалось совсем сумрачно.

Эрмитаж начал игру. Весь музей пришёл в движение. Он стал похож на огромный кубик Рубика: этажи вращались по горизонтали, залы сменяли друг друга по вертикали. Получалось так, что из египетского зала можно было попасть в малахитовую комнату, из тронного зала – в зал буддизма. Такой экскурсии ещё ни у кого не было!

Александр стал спускаться по лестнице. Его стопы, как на шарнирах, скользили по ступеням. Толкнув перед собой огромную дверь, наш герой оказался в вестибюле Октябрьской лестницы с его зеркальными фальш-окнами. Привыкнув к паркету и мрамору, неожиданностью было ступить на алый ковёр. На нём так не поскользишь – пришлось быстро переступить ногами.

Преодолев пролёт и взглянув назад, Александр понял, что перед ним развернулась первая фантазия музея. Ему навстречу по красному ковру бежали штурмующие Зимний дворец революционные солдаты и матросы. Как старую кинохронику смотришь – честное слово!

Послышался треск выстрелов, крики; лестница завибрировала от множества шагов; над головами воинов разраста-

лись облака пороховых газов. Ничего себе картина!

Одна из пуль попала в окно, и позади Александра послышался звон разбитого стекла – большие осколки попадали на красную дорожку.

Это вывело Александра из ступора – он быстро, скачками преодолевая ступени, ринулся обратно.

Несостоявшийся вандал припустил по Тёмному коридору, стены которого были увешаны шпалерами. Ветер задул ему в спину, словно подгоняя вперёд. От сквозняка шёлково-шерстяные полотнища пришли в движение, слышались хлёсткие звуки ударов ткани о стену – как птица, резко взмахнувшая крыльями.

Если бы Александр обернулся, то мог бы действительно увидеть парящего над ним бронзового орла с арабской вязью на шее – оживший «Водолей» мастера Сулеймана, один из старейших экспонатов Эрмитажа.

Чтобы не ощущать ветра, дующего в спину, Александр свернул влево и из Тёмного коридора неожиданно попал в ослепительный Георгиевский зал конца девятнадцатого века.

Глянец каррарского мрамора, белизна французских штор и яркий свет с каскадов люстр. Особую торжественность залу придавала позолота лепнины; даже тяжеловесные капители колонн не выглядели таковыми – наоборот, золотая фактура делала их воздушными, невесомыми. Всё в высшей степени музыкально.

Вдоль стен стояла публика, образуя сообщества по интересам; мужчины в строгих костюмах или мундирах, женщины в разноцветных, с турнюрками, платьях пастельных тонов.

Неподалёку от центрального входа на мраморном основании стоял большой канделябр – на его примере каждый желающий мог поближе ознакомиться с новинкой научно-технического прогресса – увидеть, как загораются угольные электроды свечей Яблочкова.

Эрмитаж не дал нашему герою рассмотреть всё в подробностях – Александра закружил танцевальный вихрь рождественского бала.

Это первый бал, который озаряет электрический свет. Это первый бал, на котором люди танцуют под электронную музыку; Эрмитаж – ещё тот фантазёр. Полонез, кадрили, мазурка и даже котильон: все эти стили тоже смешались по велению музея-хореографа.

Перед глазами замелькало множество лиц и рук. Александр опомниться не успел, как оказался в центре зала – в самой гуще танцующих пар. Люди то набегали на него, подобно вихрю, то расступались, оставляя его одного.

И снова человеческая стихия окружила его. Находясь в огромном зале, среди стольких людей, Александр чувствовал себя лишь маленькой песчинкой в этом танцующем водовороте.

Волнующие душу мелодии, как райские птицы, разлетались в разные стороны; заставляли воображение нависнуть

под самым потолком и сквозь золотые ветви люстр наблюдать за происходящим.

Александр задумал пойти наперекор всему – остановив бал, он остановит и всё действие. Но ничего ему не удалось: танцующие, словно призраки, не обращали на его потуги никакого внимания – ловко перестраиваясь, меняя партнёров, люди продолжали танцевать.

Александр был похож на бродячего пса, который путался у всех под ногами. Всё, чего он добился, – это то, что его собственная голова пошла кругом: шелест платьев, блеск бриллиантов и «Can you hear me now» на устах окружающих. Вибрации от шагов танцующих напоминали Александру гудение рельсов перед приближением поезда.

О, Боже! Замолчите!

Мода на аристократическую бледность сыграла сегодня с дамами злую шутку – при электрическом освещении их лица были белы, и они походили на статуи.

Словно подыграв этому наблюдению и желанию Александра остановить действие, Эрмитаж перенёс его в свою глиптотеку – вместо паркета Александр очутился на октагонах херсонесской мозаики шестого века.

Да, действительно – кажется, что статуя Афины, стоящая перед ним, будто замерла в танцевальном па.

Музыка резко прекратилась, умолк шелестящий голос.

В это мгновение тишины Александр осмотрелся. Холодный мрамор тёплых оттенков своим блеском напоминал лёд.

Между тёмных гранитных колонн белели скульптуры древнеримских копиистов.

В этой акцентирующей тишине из руки богини Афины выпал шар. От неожиданного звука Александр вздрогнул. Белоснежные головы, как по команде, ожили, и со всех сторон слышалось набившее уже оскомину:

«Can you hear me now», – в унисон заговорили мраморные уста.

Опять!

Описав круг, шар покатился из зала вон. Александр, как Тесей, последовал за ним.

Шар привёл его к залу фламандской живописи. Оторвав взгляд от проводника, наш герой так и застыл на пороге – там происходило нечто невероятное: огромная коричневая лошадь с картины Пауля де Воса бешено скакала среди озлобленных охотничьих псов, пытаясь увернуться от их укусов. Под её копытами вдобавок путалась скамья – лошадь то и дело попадала то одним, то двумя копытами на неё. Ещё немного – и она повалит канделябр, стоящий посреди прохода.

Собаки с азартом кружили вокруг лошади, громко лаяли, щерили свои пасти. Александр смотрел, словно замороженный. Его от страха пригвоздило к месту: одно движение – и он обозначит своё присутствие. Но и стоять так – себе дороже. Не дожидаясь того момента, когда псы переключат своё внимание на его персону, Александр попятился назад. Каж-

дый шаг давался огромным напряжением воли. Как только травля скрылась за стеной, он побежал с ещё большей прытью, чем бегал до этого.

После увиденного впору пить валерьянку.

Перед входом в следующий зал прохаживалась работница музея. Судя по ярлычку, звали смотрительницу Кицунэ. Странное имя объяснялось тем, что на ней красовалась соответствующая маска японского театра но. Завидев Александра и заметно оживившись, лисица поклонилась ему и сделала приглашающий жест: «Проходите».

От светящихся в глазницах маски оранжевых очей стало не по себе – что на этот раз выдумает Эрмитаж?

С настороженностью оглядывался наш герой на смотрительницу. Вскоре выражение лица нашего героя сменилась на удивлённое. Словно продолжая тему Японии, из глубин Николаевского зала, как из параллельной вселенной, откуда ни возьмись, мягко въехал экскурсионный автобус. Свет его фар заблистал в мраморе стен и коринфских колонн – можно впасть в иллюзию, что это не интерьер зала, а фасады зданий с застеклёнными аркадами.

Едва не задев хрустальные подвески люстры, машина, качнувшись, останавливается. Двери открываются, и на наборный паркет ступают японские туристы. Выходя из автобуса, они сразу же обращают своё внимание на парадный портрет Николая Первого. Но один турист отделился от общей группы и, завидев Александра, направил на него

объектив фотоаппарата. Сработала неправдоподобно яркая вспышка и ослепила вандала.

Когда ослепление прошло, Александр долго не мог понять, куда он перенёсся:

«Такого зала в Эрмитаже нет! Уж я-то точно знаю!»

Да, это правда – нет! Эрмитаж совсем разошёлся и решил потравить нашего хулигана в залах Русского музея.

Интересно, чего же не хватило Эрмитажу?

Огромные картины Айвазовского – «Волна» и «Девятый вал» – перед взором Александра. Словно с сожалением смотрит на его маленькую фигуру Иисус с брюлловского «Распятия».

Сверкнула молния над Помпеей, коротко осветив участок вокруг картины. После этого Александр почувствовал, как пространство начало наэлектризовываться.

Волны на полотнах на мгновение продолжили свой бег и снова застыли на месте.

«Показалось...» – подумалось Александру.

Он отвёл взгляд от картин, но боковым зрением видел, что волна вновь ожила и снова застыла – стоит только посмотреть в их сторону.

«Надо валить отсюда», – резонно подумал наш герой, и правильно подумал.

Больше не думая играть с ним в кошки-мышки, огромный поток воды хлынул из картин в зал.

Забурлила вода, запенилась. Скамьи, стоящие у картин,

пришли в движение. Мраморные подставки со статуями содрогнулись от напора воды, закачались. Волны подхватили бегущего к выходу Александра, и он в полной мере ощутил то, что чувствуют герои картин. Его засасывала то одна воронка, то другая. Потом он всплывал, судорожно хватался руками за скульптуру, но сила стихии снова тянула его на дно. Александр рвался наверх, глотнуть воздуха – тщетно.

Он тонул всё глубже; видел, как лучи солнца проникали сквозь застеклённую крышу зала. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока он слушал стук своего сердца, пока шёл ко дну и любовался этими лучами, расщепляющимися в водной толще.

От этой апатии Александра отвлёл вид проплывающих в чаще световых столбов русалок из картины Репина «Садко».

Под звуки арфы Александр, похоже, погружался в сон, и в этом пограничном состоянии, будто грёзы, ему виделись прекрасные девушки: то блондинка мягко улыбнётся ему, то надменная брюнетка опалит своим взглядом, то рыжая наведёт на бесстыжие мысли – их тела виделись Александру такими эргономичными для его объятий...

Водное пространство насыщалось солнечными бликами от чешуи русалок, и Александр снова был ослеплён.

Через мгновение он пришёл в себя и обнаружил, что лежит на полу, в луже воды. Рядом билась о паркет небольшая рыбёшка.

С неё его внимание переключилось на ожившую скульпп-

туру Врубеля «Голова демона», поющую всё те же строки – «Can you hear me now, can you hear...»

Она неожиданно замолкла на полуслове, закатила глаза. Из поникшей головы повалил густой дым – демон-чревоушатель стал покидать свою гипсовую оболочку.

Мятежный дух начал раскрываться перед Александром. По всему залу, как воронья стая, стали метаться тени, нагнетая обстановку.

Густая шевелюра демона делала его похожим на Медузу Горгону. Неотрывный взгляд огромных грустных очей был направлен в себя – демон, казалось, не видел Александра. Но змеи страха в душе вандала всё равно заставляли его пятиться к выходу. Весь дрожа от страха, он ринулся в сторону дверного проёма. В другом зале наш герой чуть не налетел на фотографа Шерлинга, сошедшего с портрета авангардиста Анненкова. Боясь задеть его, Александр споткнулся и в который раз оказался на полу.

Обернувшись, он мельком рассмотрел мужчину: черная шляпа, круглые очки и клетчатый костюм. Что-то было у него с лицом неправильное – какое-то оно гранёное, бликующее, как и стёкла очков.

Подумать над этим феноменом Александр не успел, так как был снова ослеплён – рядом с клетчатым сработала вспышка фотоаппарата.

Пластинка даггеротипа запечатлела Александра, за которым тянулся шлейф из чёрных теней.

Александр, щурясь от света яркой лампы, оглянулся. Белые полотнища, служившие ширмой, странно смотрелись на фоне позолоченных колонн и балкона с балюстрадой.

В дальнем углу огороженного пространства, вокруг стола к чему-то готовились люди в белых халатах – они спешили.

Сфокусировав взгляд, Александр увидел перед собой блеск хирургических инструментов – его как холодной водой окатило. Дополнительный эффект доставили мучительные стоны, которые донеслись из-за белых занавесок. Наш путешественник во времени мигом соскочил со своей лежанки и, не раздумывая, ринулся к ширмам.

Большой Гербовый зал Эрмитажа, превращённый в годы Первой мировой войны в операционную, открылся его взору; хотя сразу так и необразишь.

По обе стороны прохода тянулись ряды ширм, которыми зал был поделён на несколько помещений. Большая мраморная чаша на перекрёстке была заставлена какими-то коробками.

«Теперь-то куда бежать?» – спросил сам себя Александр, приостанавливаясь.

Через дверной проём он увидел, что Пикетный зал заставлен койками; на них лежали раненные. Сестра милосердия подошла к одной из них и встретилась взглядом с Александром.

За время всей, с позволения сказать, экскурсии, это первый такой взгляд: теплый, человечный...

Стало так спокойно на душе – словно смотришь на старую фотографию.

Эту идиллию прервал ужасающий грохот; всё кругом пошатнулось, содрогнулось. Александр кинулся на пол. В падении он увидел, как операционную заволокло тучей пыли. С потолка обрушилась большая люстра. Он обернулся, чтобы ещё раз посмотреть на сестру милосердия, но той уже не было. Как не было и коек и ширм.

Пыль начала оседать, и до сознания стали доходить звуки блокадного Ленинграда: свист снарядов, отдалённые взрывы, залпы зенитных орудий. Холод сковал всё тело.

Посреди огромного зала Александр смотрелся как воплощение героического Города, отделённого стенами от всей страны.

Послышались тяжелые шаги. В окнах появилась чья-то огромная фигура – какой-то великан проходил вдоль фасада. В брешь, которая появилась от фашистского снаряда, заглянуло лицо из серого гранита.

Искорёженные взрывом античные колонны, тербенёвский атлант с венком на голове...

Александр уже ничему не удивлялся; сил у него совсем не осталось. Он сидел на полу, обхватив ноги руками, и чего-то ждал. Потом, расцепив руки, лёг на пол. Вокруг него подпрыгивали паркетины.

Чёрный Квадрат завис в воздухе прямо перед ним. Из тёмного нутра показались лучи. Александр почувствовал, как

неведомая сила подхватила его под руки, под ноги и понесла навстречу картине. Чёрный Квадрат поглощал его, как удав кролика. В последний момент Александр взмахнул рукой и скрылся в черноте.

Play

The Chemical Brothers – EML Ritual

Прободение оболочки

Автобус катит по улице Станиславы Лещинской. За кронами деревьев прячется солнце. Окружающую зелёную гамму разбавляет серый бетонный забор и коричневый шрам железной дороги. Промелькнуло несколько указателей; с левой стороны показалась пока ещё не многолюдная площадь и дом с высокой крышей. До пункта назначения осталось немного – люди стали готовиться к выходу.

Конечно, когда подъезжаешь к подобному месту, испытываешь трепет, волнение. Но какая-то оболочка защищает наших современников от того, чтобы проникнуться ужасающим смыслом этого места. Всё, что здесь происходило, не укладывается в голове, так не вяжется с днём сегодняшним. Может быть, потому эта оболочка так эластична и последующие поколения постепенно теряют сочувствие?

«Уж сейчас-то такое невозможно», – наивно полагаем мы, слушая жуткие рассказы. Слушаем так, будто всё происшедшее здесь относится к средним векам, а не к веку двадцатому.

Нам действительно никогда не понять, что тут чувствовали люди.

Лишь немногие, заведев эти рельсы, могут вспомнить, как жестоко они обманулись однажды. Могут поведать нам, сколько горя они успели здесь перенести. А их всё тянет и тянет сюда...

Последний взгляд родного человека, последнее прикосновение, последние слова...

«Я хочу ещё раз взглянуть на тебя, мой дорогой... моя дорогая!»

Приехав сюда, эти люди хотят увидеть частицу себя, оставленную много лет назад во льду воспоминаний об Освенциме.

До чего же больно видеть своего плачущего ребенка в грубых лапах фашиста! Или вспомнить, как в толпе затеряется старушка мать. И поплывёт всё перед глазами от слёз...

Автобус остановился, пропустил несколько встречных машин и повернул на стоянку.

Экскурсанты стали выходить.

Сейчас народу мало – будний день; да и рановато ещё.

От небольшой горстки туристов, оглядывающихся по сторонам, отделились трое друзей: Клаус, Мартин и Йозеф. Ох, лучше бы они не приезжали сюда...

Мартин притормозил друзей:

– Ребята, давайте здесь подождём, пока жида пройдут – чего мы с ними будем толкаться.

– Как? Жиды? – удивленно спросил Клаус, – Разве лагерь ещё работает?

– А ты думал! Вон закусовая какая... и коты жирные.

Клаус ухмыльнулся – рядом тёрся кот действительно внушительной комплекции.

Большая делегация толпилась у входа в музей; некоторые молодые люди укутались во флаги Израиля.

– Кто будет копчёные пейсы? – спросил Клаус.

– Нет, уволь, – покачал головой Мартин.

Наконец на входе стало посвободнее, и троица, пройдя контроль, оказалась на территории лагеря-музея.

– Ты видел, сколько там наушников висит? – спросил Йозеф у Клауса, имея в виду аудиогиды, которые выдавались при входе, – Вся комната завалена.

– Ага. Это не то место, где музыку можно слушать.

– Почему не то? Вон там, где берёзка, стоял оркестр; заключённых провожали на работу с музычкой.

– Ничего себе! И такое было... Наверняка в оркестре были одни цыгане, – покачал головой Клаус.

Друзья уже подходили к знаменитым воротам – наверное, самому известному памятнику цинизма.

– А почему нас оркестр не встречает? – спросил Клаус.

– Не заработал ещё, – в тон ответил Мартин.

– Давайте-ка, становитесь; я вас сфотаю...

Мартин и Йозеф встали у берёзы, на фоне ворот.

– У бабушки на каникулах, – назвал это фото Мартин.

Улыбки тут у них получились голливудскими... Придурки какие-то...

Отметились они у первой же экспозиции, где на фоне фотографий заключённых стояли их аллегорические сторбленные фигурки, одетые в полосатую робу. И троице друзей не пришло лучше идеи в голову, кроме как, так же сторбившись, встать друг за другом и пройти вдоль витрины, намекая на обложку альбома «Битлз» «Дорога к аббатству».

На другом стенде были размещены фотографии частей тел узников с вытатуированными номерами. Мартин приподнял рукав рубашки и обнажил свою татуировку с демоном:

– Вот какие надо татуировки делать! – с показным пафосом произнёс он, и тут же сработала вспышка фотоаппарата.

Потом было глупое селфи со втянутыми щёками. Неужели они не испытывают никакого сочувствия, глядя на эти фотографии? Или они воспринимают это всё как квест с нереальными персонажами? Что они тут делают? Зачем пришли сюда? Постебаться?

Друзьям быстро наскучило ходить по залам.

– Пойдём отсюда, – сказал Мартин, зевая. – Чего мы, сено не видели...

– Ничего себе, волос столько! – Клаус был несколько ошарашен. – Куда они нужны были?

– Тебе пересадить, – захохотал Мартин и провёл ладонью по выбритой макушке Клауса. – А то на солнце светишься,

как залупа.

– Сам ты залупа! Моржовая! – огрызнулся Клаус.

– Давай, иди уже, шевели копытами, – Мартин сделал Клаусу символический пендель, ускоряя экскурсию. – Сейчас мы тебя в расход пустим, еврей, за болтовню. Йозеф! Где ты говоришь, тут расстреливают?

– Вот за теми прекрасными воротами.

– Идём же! Шнеля!

Друзья зашли во двор, образованный двумя корпусами и двумя стенами между ними. Окна одного из корпусов были закрыты чёрными ширмами. У дальней стены, как алтарь, стоял пулеулавливающий щит; рядом с ним, на земле, лежали венки и пульсировали лампадки.

– Эй, Йоз! А чего это окна с шорами?

– Чтобы узники не видели, но слышали – фантазия так лучше работает.

– И чего здесь слышать? Выстрел – он и есть выстрел.

Йозеф кивнул в сторону двух столбов:

– На этих столбах подвешивали за руки. Причём руки были за спиной.

– Аа-а-а-а, – плотоядно улыбнулся Мартин и переключил своё внимание на Клауса. – Ну что ты, пейсун, выбирай: пулю в лоб или повисишь на балке? Что говорит тебе твоя фантазия?

Не дожидаясь ответа, Мартин отточенным движением завёл Клаусу руку за спину. Тот от неожиданности охнул, со-

гнувшись пополам.

– Да отвянь ты от меня, придурок.

На Мартина было любо-дорого смотреть: с таким артистизмом он играл гестаповца. А вот из Клауса актёра бы не вышло, но настоящие болевые ощущения нивелировали этот недостаток. Его перекошенное от боли лицо быстро покраснело, а по взгляду было понятно – ему явно не хотелось ни пули, ни на балку.

Йозеф хохотал над ними, временами озираясь на ворота – не войдёт ли кто, увидев их дурачества.

– Быстрее, быстрее!

Мартин подвёл Клауса к стене и, сложив свободную руку пистолетом, прикоснулся ею затылка друга:

– Эй, еврей! Именем штокпукфюрера лагерного участка номер три ты приговариваешься к высшей мере наказания за то, что не скинулся с нами на пилзенское.

После «выстрела» Мартин дал другу пенделя, обеспечивая себя форой, и пустился наутёк.

– Сейчас я тебе дам, придурок, такое пилзенское! Будешь ссаться им весь год!

В общем, как дети малые.

После небольшой потасовки страсти улеглись – бывает такая грубая дружба. Успокоившиеся друзья как ни в чём не бывало вышли со двора. Их пути стали расходиться: Йозеф и Клаус пошли в одну сторону, а Мартин в другую; он стал отдаляться от них – вроде как сам по себе гуляет, – заранее

зная, что друзья последуют за ним:

– Куда ты, Мартин? Мы идём в крематорий, – игриво сказал Йозеф.

– Пойдёмте бассейн посмотрим.

– Ты чего, поплавать решил? Мокрый ты будешь дольше гореть...

– Он будет там с евреями пердеть, – пробурчал Клаус.

Друзья прошли между блоками, сфотографировали ужающе длинную перспективу улицы – подумать только, сколько людей здесь томилось...

По дороге сделали несколько снимков у сторожевых башен, сыграли пантомиму, повиснув на колючей проволоке – как же без этого? – и, наконец, подошли к пожарному пруду.

– О, сфоткай меня, – передал Йозеф Мартину свой смартфон.

Йозеф, оглядевшись по сторонам – нет никого? – перемахнул через ограждение, залез на бетонную тумбу и сделал вид, что приготовился с неё прыгать в воду.

– Ну чего, всё? Я так и буду раком стоять? – с нетерпением спросил Йозеф, видя, как Мартин уткнулся в экран, не обращая внимание на его позирование.

– Подожди, я не туда нажал, – сказал Мартин, колдуя над телефоном. – Вот, давай, становись рачком; губки бантиком.

Йозеф стал принимать нужную позу, и... тут ему пришлось вздрогнуть от неожиданности. Неприятные мурашки прошли по спине.

«Уф... Что это было?» – задал он сам себе вопрос.

Его как током ударило. Не было ни малейшего дуновения ветра. Зеркало воды без искажения должно было показать отражение Йозефа, а на него оттуда посмотрел кто-то другой, сильно исхудавший. От этой странности он отвёл взгляд в сторону и стал прислушиваться к своему внутреннему состоянию. Хорошо, что Мартин опять стал ковыряться в телефоне – не видел его испуга.

– Вот! Давай, поехали! Дурацкий у тебя смартфон...

Йозеф ещё раз с опаской посмотрел в воду.

«Хм... Показалось. Насмотрелся на эти фотографии. Нельзя быть таким впечатлительным», – укорил он себя, перелезая обратно через ограждение.

– Ладно, всё. С вещами на выход.

– Выход отсюда один – через трубу крематория, – радостно сказал Клаус, будто речь идёт о гидротрубе в аквапарке.

– Мы туда и направляемся, – показал оскал Мартин.

– Эй, парни! Стойте! – кто-то окликнул их сзади.

Друзья оглянулись и увидели, как к ним на сегвее подкапывает охранник. На его груди блеснул бронзой бейдж с именем:

– Вы не понимаете, да, где находитесь? Нельзя заходить за ограждения.

– Хорошо, хорошо. Мы уже идём на выход, – примирительно сказал Мартин.

Судя по всему, троица уже успела намозолить глаза охра-

не:

– Ещё одна выходка – и мы будем вынуждены вас выставить...

– Ладно. Идём, ребята.

Охранник встал на свой гироскутер и покатил вперёд.

Друзья, не сговариваясь, вскинули вслед отъезжающему страже руки: «Хайль!» – и рассмеялись.

Когда компания проходила мимо кухонного блока, Йозефу опять стало неприятно от мурашек – периферическим зрением он увидел кого-то в полосатой робе.

Сначала молодой человек подумал, что кто-то другой просто отражается в окне – какой-нибудь актёр, специально одетый для туристов подобным образом. Оглянулся – никого...

Подойдя к окну, он стал всматриваться внутрь столовой.

– Эй, Йоз! – услышал он за спиной. – Захотел юдебургер? Макдак сегодня закрыт.

«Как они меня затрахали, остряки эти!» – закатил глаза Йозеф.

Через силу он улыбнулся приятелям. Через силу, потому что внутри поселилась какая-то неосознанная тревога, словно за стеклом рассмотрел нечто потаённое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.